
«Всё это так необыкновенно и фантастично»: идейные и организационные предпосылки поворота внешней политики России на Дальний Восток в конце XIX в.

Александр Полунов

«All of that is so extraordinary and fantastic»: ideological and organizational prerequisites for the turn of Russian foreign policy to the Far East at the end of the 19th century

Aleksandr Polunov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870016250-6

Рассматривая причины, последствия и идеологическую основу поворота внешней политики Российской империи на Дальний Восток в конце XIX в., исследователи связывают его в первую очередь с такими явлениями и процессами, получившими полное развитие во второй половине 1890-х — начале 1900-х гг., как повышенный интерес к восточным народам и их духовным ценностям, стремление воспринимать мир сквозь призму глобальных историко-философских построений. К их числу относилась, в частности, концепция восточничества, разработанная известным учёным, поэтом и публицистом кн. Э.Э. Ухтомским¹. Учитывается и то, что вступившему на престол в октябре 1894 г. Николаю II хотелось проявить себя на новом направлении, сравнительно мало «освоенном» официальной дипломатией. «Его молодое воображение, — писал о царе известный мемуарист, государственный и общественный деятель В.И. Гурко, — неизбежно должно было рисовать ему возможность навсегда связать своё имя с дальнейшим развитием русской государственности и расширением наших пределов на берегах Тихого океана». Именно там он мог «искать применения своего творчества и возможности проявления личной инициативы»².

Но если духовные, идейные и культурные искания рубежа XIX—XX вв. формировали своеобразную атмосферу, манящую на Восток, то с царствованием Александра III, как правило, связывают прежде всего создание материальных и организационных предпосылок для продвижения в Азию, включая начало строительства Транссибирской магистрали и путешествие наследника престола по странам Востока. Между тем уже тогда в правительственных кругах звучали заявления об особых свойствах азиатских народов и их тяготении к русскому самодержавию. «Весь Восток симпатизирует России, — писал в феврале 1893 г. в записке, адресованной императору, лекарь тибетской медицины

© 2021 г. А.Ю. Полунов

Статья подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

¹ О восточничестве см.: *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 70—101; *Межуев Б.В.* Моделирование понятия «национальный интерес» на примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX в. // *Полис.* 1999. № 1. С. 26—39; *Суворов В.В.* Восточничество. Культурно-историческая концепция и имперская идеология. Саратов, 2015.

² *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 307—308.

и чиновник Азиатского департамента МИД П.А. Бадмаев, — и русского царя называют на Востоке как русские подданные-инородцы, так и чужеземцы белым царём-богатырём»³. В ней же утверждалось, что среди монголов и других буддистов популярны легенды о том, что русскому царю суждено стать повелителем Востока. Именно азиаты, полагал Бадмаев, «сознают истинное значение монархического правления, в котором представители государства считаются старшими сыновьями и братьями, нравственно обязанными отвечать за всё как перед отцом монархом, так и перед младшими братьями — его подданными»⁴.

Заявляя о том, что тибетцы, монголы, китайцы тяготеют к власти правившей в Китае маньчжурской династии Цин и охотно перейдут под управление России, врачеватель предлагал императору предварительно создать экономическую почву для утверждения политического господства. Для этого следовало провести от строившейся Транссибирской магистрали железнодорожную ветку к Ланчжоу, центру провинции Ганьсу. Вместе с тем Бадмаев собирался основать в Забайкалье торговую компанию, которая под видом коммерческой деятельности агитировала бы население Монголии и Северного Китая присоединиться к России. Записка вызвала у царя противоречивые чувства. «Всё это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха», — отметил он в резолюции⁵. В этом отзыве звучал не только скепсис, чувствовалось, что в какой-то степени Александра III заинтриговала открывавшаяся перспектива. Показательно, что вскоре он распорядился выдать тибетскому лекарю из казны 2 млн руб. на учреждаемую им компанию, несмотря на упорное сопротивление министра финансов С.Ю. Витте⁶. Таким образом, уже в начале 1890-х гг. в российских общественных и правительственных кругах распространялись идеологизированные представления о Дальнем Востоке и особой миссии России в этом регионе. Каким же образом происходило их формирование? Каковы были предпосылки данной тенденции?

Важный вклад в выработку идей, которые впоследствии использовались для обоснования поворота во внешней политике, внесли дискуссии, развернувшиеся на страницах консервативной печати во второй половине 1880-х — начале 1890-х гг. Весьма показательна в этом отношении полемика в журнале «Русское обозрение» между генерал-лейтенантом А.А. Киреевым и В.А. Грингмутом⁷. Генерал, выступавший в роли хранителя заветов славянофильства, утверждал, что историческим долгом и главной задачей России на международной арене остаётся защита единоверных и единокровных братьев-славян. «Кому же... как не нам, как не могущественной православной России, заботиться о наших гонимых и притесняемых братьях, всюду, где бы они не оказались?» — вопрошал он⁸. Разумеется, помощь им следовало оказывать абсолютно бескорыстно, не

---

³ О Бадмаеве см.: *Архангельский Г.В.* Пётр Бадмаев — знахарь, предприниматель и политик // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 74—84; *Лукоянов И.В.* Восточная политика России и П.А. Бадмаев // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 111—126.

⁴ За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925. С. 57, 59, 73.

⁵ Там же. С. 81.

⁶ *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб., 2008. С. 86—87.

⁷ О ней см.: *Медоваров М.В.* Геополитические концепции русских консерваторов 1890-х годов. По материалам журнала «Русское обозрение» и его оппонентов // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 85—98.

⁸ *Киреев А.А.* Россия и славяне. Второй ответ Spectator'у // Русское обозрение (далее — РО). 1891. № 3. С. 218.

рассчитывая на какое-либо практическое воздаяние. Публицисту импонировал «наивный, славянофильский» взгляд на предназначение власти, который «ставит государству другие цели, не практические — юношеские, идеальные... безо всякой материальной выгоды». По его мнению, только такой подход и гарантировал существование России, поскольку «народ, замыкающийся в своих границах, не принимающий участия в истории человечества, отказывающийся от своих исторических идеалов, действительно начинает сходить со сцены, начинает гнить, клониться к упадку и обречён на исчезновение»⁹.

Грингмут, с молодости сотрудничавший с изданиями М.Н. Каткова, резко опровергал подобные воззрения. Он, в частности, указывал, что после событий 1880-х гг. — переориентации балканских государств на сотрудничество с Западом, разрыва дипломатических отношений с Болгарией — говорить о славянской солидарности уже невозможно, и «Россия является для австрийских и турецких славян не целью их стремлений, как мы себе иногда воображаем, а лишь средством их европеизации». Помощь им могла бы считаться нравственным долгом лишь в том случае, если бы о ней просили, иначе она теряла смысл и ставила империю в нелепое положение¹⁰.

Этническое и языковое родство со славянами, по мысли Грингмута, не могло играть сколько-нибудь значительной роли в политике государства. Она должна была основываться не на «филологических соображениях», а «на более глубоких культурных стремлениях к общим религиозным, нравственным и политическим идеалам»¹¹. Впрочем, в 1880—1890-е гг. Грингмут рекомендовал вовсе отказаться от масштабных внешнеполитических предприятий, сосредоточившись на выработке самобытного общественного устройства и укреплении национального самосознания. «То, что осталось от Восточного вопроса, — полагал он, — может оставаться в настоящем ненормальном своём виде до тех пор, пока Россия найдёт для себя удобным уничтожить сразу, одним махом все оставшиеся ещё на Балканах политические шероховатости». Пока же нужно терпеливо «набираться нравственных и материальных сил, не расходуя их по мелочам на решение каких-нибудь частных, в сущности микроскопических вопросов, возникающих как мимолётные прыщи на Балканском полуострове»¹².

В целом, как отмечает А.Э. Котов, в 1880-е гг. антиславянские выпады в русской консервативной печати стали общим местом¹³. Тон подобным настроениям во многом задавался сверху. 2 февраля 1879 г. хорошо осведомлённый Киреев отметил в дневнике, что наследник престола разочаровался в прославянском движении, которому сочувствовал с 1860-х гг. Теперь цесаревич называл его «славянщиной»¹⁴. Вступив на престол, Александр III ставил целью своей внешней политики «извлекать из всего всё, что нужно и полезно для России, и меньше женироваться (стесняться. — А.П.) для извлечения этой пользы, а действовать прямо и решительно». В разгар Румелийского кризиса 1885 г. царь настаивал на том, что «довольно популяризовать в ущерб истинным

⁹ Киреев А.А. В защиту «братушек» (письмо к редактору) // РО. 1890. № 8. С. 835, 841.

¹⁰ *Spectator*. Текущие вопросы международной политики. IV. Наши братья // РО. 1890. № 7. С. 374; Современная летопись // РО. 1891. № 2. С. 895.

¹¹ Современная летопись // РО. 1890. № 9. С. 444.

¹² *Spectator*. Текущие вопросы международной политики. V. Г. Татищев и г. Стамболов // РО. 1890. № 9. С. 425.

¹³ Котов А.Э. Русская консервативная журналистика 1870—1890-х гг.: опыт ведения общественных дискуссий. СПб., 2010. С. 194.

¹⁴ ОР РГБ, ф. 126, д. 8, л. 11 об.

интересам России. Славяне теперь должны сослужить службу России, а не мы им»¹⁵. В периодической печати эти идеи развивал С.С. Татищев, считавший, что «единственная здоровая основа великого государства... есть государственный эгоизм, а не романтика»¹⁶.

И всё же остановиться на провозглашении эгоизма и самоизоляции главными принципами политики на международной арене консерваторы не могли. Заявляя о необходимости выработки самобытного национального идеала, Грингмут и его единомышленники понимали, что этого нельзя достичь при решении сугубо прагматических задач и полном безразличии к происходящему в мире¹⁷. «В известном смысле мы готовы согласиться с А.А. Киреевым, — признавал журналист-катковец, — способность жертвовать своими материальными выгодами ради высших интересов есть, конечно, доказательство жизненных сил страны»¹⁸. Но эти «высшие интересы» распространялись им не на славян, а на «Восток в широком смысле слова», включая Иерусалим, Корею и Абиссинию¹⁹. Устремление в эти регионы, находившиеся в стороне от зон, где традиционно возникали конфликты между европейскими державами, как думал Грингмут, отвлекло бы русское общество и дипломатию от чрезмерного увлечения делами Запада.

Поиском особой — восточной, но не славянской — альтернативы для внешней политики России занимался с 1870-х гг. К.Н. Леонтьев. Держась особняком от идейных течений и литературно-журнальных «партий», он не пользовался особым влиянием в верхах и популярностью в обществе, но зато обладал способностью улавливать важные тенденции, намечавшиеся в общественной и интеллектуальной жизни. Именно с этим, вероятно, и было связано повышенное внимание Леонтьева к Азии. Будучи противником прославянских тенденций в русской политике на Балканах и Ближнем Востоке, философ призывал опираться там на греческих иерархов православных поместных церквей. Для него именно они оставались главными хранителями канонических начал, церковной дисциплины и важнейшим оплотом консерватизма. Вместе с тем с 1870-х гг. в его сочинениях всё чаще встречались позитивные упоминания о патриархальных ценностях и подлинной духовности народов Южной Азии и Дальнего Востока. Они представлялись образцом и источником обновления для России и всего мира. «Китай культурнее Бельгии, индусы культурнее североамериканцев», — заявлял мыслитель в 1883 г.²⁰ В 1880 г. он с горечью отмечал, что и «мы сами... до сих пор выдумать ничего не были в силах и в

---

¹⁵ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801—1914. Т. 3. М., 2018. С. 557, 602.

¹⁶ По словам дипломата Ю.С. Карцова, именно по статьям Татищева русское общество, «воспитанное на архаизмах официального слога и славянофильских туманностях», впервые знакомилось «с холодным, сжатым и точным языком международных отношений». Подробнее см.: Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова. Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860—1890-х гг. СПб., 2016. С. 291, 295.

¹⁷ «Передав Восток в чужие руки,... мы и у себя дома не исполним своей программы, — писал Киреев, — как, например, будем мы развивать в нашем молодом поколении уважение и любовь к чувству народности, уча его относиться безразлично к попранию этого чувства у наших соседей, и притом у народов, нам родственных?» (Киреев А.А. Россия и славяне... С. 224).

¹⁸ Современная летопись // РО. 1891. № 7. С. 424.

¹⁹ *Spectator*. Современные вопросы. I. Россия на распутье // РО. 1894. № 10. С. 849—853.

²⁰ Леонтьев К.Н. Письма о восточных делах // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 8. Кн. 1. СПб., 2007. С. 51.

деле творчества национального стоим гораздо ниже азиатских народов: индусов, китайцев, мусульман, у которых всё почти своё»²¹.

Размышляя о западноевропейской колониальной экспансии, Леонтьев писал в 1888 г.: «Мы, русские, с нашими серо-европейскими, дрябло-буржуазными, подражательными идеалами, с нашим пьянством и бесхарактерностью, с нашим безверием и умственной робостью сделать какой-нибудь шаг, беспримерный на современном Западе, — стоим теперь между этими двумя пробуждёнными азиатскими мирами, между *свирепо-государственным* исполином Китая и *глубоко-мистическим* чудищем Индии... Спасёмся ли мы государственно и культурно? Заразится ли мы столь несокрушимой в духе своём китайской государственностью и могучими мистическими настроениями Индии?»²². Публицист верил в возможность подобного «заражения» и всячески ему сочувствовал. Основой же для этой надежды служила близость России к странам Востока и мощное влияние на неё туранского (тюркско-монгольского) элемента. По словам философа, «только из более восточной, из наиболее, так сказать, азиатской — *туранской* нации в среде славянских наций может выйти нечто от Европы *духовно* независимое; без этого азиатизма влияющей на них России все остальные славяне очень скоро стали бы самыми плохими из континентальных европейцев»²³.

Одновременно с дискуссиями на страницах печати в 1880-е гг. предпринимались и практические шаги, свидетельствовавшие о поисках новых направлений внешнеполитической деятельности. К их числу относились, в частности, попытки установить контакты с Эфиопией (или, как тогда говорили, Абиссинией), не случайно упоминавшейся в статье Грингмута. Африканское государство, издревле исповедовавшее христианство и в 1880-е гг. начинавшее открываться окружающему миру, вело тогда тяжёлую борьбу с соседями-мусульманами и западными колонизаторами (Италией и стоявшей за ней Англией). Эфиопия нуждалась в поддержке и пыталась найти её в северной империи, дорожившей ролью исконной покровительницы восточных христиан (вероисповедание местных жителей считалось близким к православию). Известия из далёкой страны в России встретили с энтузиазмом. По сути, часть русского общества «опознала» в эфиопах новых младших братьев — носителей тех качеств, которыми ранее наделяли славян. В публикациях прессы, отчётах путешественников, изданиях для народа описывали героизм темнокожих христиан, их готовность отстаивать свою самобытность и способность к самопожертвованию²⁴. «Отрезанная от всего мира в продолжение многих веков, — писал поручик В.Ф. Машков — один из первых русских путешественников, побывавших в тех краях, — Эфиопия оставалась одна, предоставленная своим слабым силам, без надежд на более светлое время. Надо удивляться тому, что при таких ужасных условиях, в какие была поставлена небольшая, бедная и слабая духовным

---

²¹ Леонтьев К.Н. Как надо понимать сближение с народом // Там же. Т. 7. Кн. 2. СПб., 2006. С. 160.

²² Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Там же. Т. 8. Кн. 1. С. 201.

²³ Леонтьев К.Н. Письма о восточных делах. С. 51.

²⁴ Подробнее см.: Азурев С.А. Эфиопия в отражении российского общественного мнения в конце XIX — начале XX в. М., 2011; Григорьева С.В. Мифологизированные стереотипы в межкультурных коммуникациях: эфиопская империя глазами русских // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4. С. 202—208.

развитием страна, она не только отстояла свою независимость, но и сохранила чистой свою веру, обычаи, язык и национальность»²⁵.

Русские современники стремились обнаружить в африканской стране очаг патриархальной простоты, чистоты, набожности — качеств, повсеместно исчезающих в Европе под натиском секуляризма и материализма. Эфиопы изображались как «очень религиозный, добрый, честный и трудолюбивый народ»²⁶. Их отношение к России и её правителю мифологизировалось и обрастало ссылками на местные предания и легенды, напоминавшие позднейшие повествования Бадмаева и других восточников о настроениях в среде азиатских народов. «Абиссинский негус негусис (так в тексте. — *А.П.*) чтит только нашего царя первым и сильным царём в мире, а других не считает за царей», — утверждалось в издании, предназначенном для массовой аудитории²⁷. «В горах полуострова Абиссинии, как и на всём Востоке, живёт смутное народное предание о могущественном белом царе, имеющем прийти, рано или поздно, с отдалённого Севера на защиту и освобождение всего восточного христианства», — писал в 1885 г. известный дипломат и один из инициаторов сближения с Эфиопией М.А. Хитрово, придерживавшийся славянофильских взглядов²⁸.

В условиях, когда среди консерваторов шла полемика о том, должна ли внешняя политика следовать принципам «национального эгоизма» или ей пристало вдохновляться высокими, нематериальными целями, сторонники укрепления связей с Эфиопией решительно выбирали второй вариант. «Россия, историческими судьбами поставленная во главе восточного христианства и нравственно ответственная за судьбу каждого её (так в тексте. — *А.П.*) отдельного члена, согласно своим вековым традициям, едва ли может оставаться спокойной зрительницей [того], как политически и духовно тяготеющая к ней страна, с восьмимиллионным населением, потеряет свою самостоятельность... мы обязаны оказать ей хотя бы нравственную поддержку... давай ей понять, что она не одна, что за ней стоит великий северный народ, всегда пекущийся о своих младших братьях», — писал в 1890 г. Машков в записке, адресованной в Главный штаб Военного министерства²⁹. Поручик руководствовался представлениями о наличии у государства особых, идеологически окрашенных задач и морального долга перед «братскими» народами. Но если ранее во властных структурах и особенно в обществе таковыми считались славяне, то теперь к ним относились и эфиопы. Позднее восточники, обосновывая продвижение России в Азию, включили в число новых «младших братьев» и народы Дальнего Востока³⁰.

²⁵ Фёдоров В. [Машков В.Ф.] Абиссиния. Историко-географический очерк. СПб., 1889. С. 28.

²⁶ Ефрем (Цветаев), архим. Поездка в Абиссинию. М., 1901. С. 44, 103.

²⁷ [Белозерский Е.] Что такое Абиссиния и чего хотят от неё итальянцы. М., 1887. С. 7.

²⁸ Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в. Сборник документов / Сост. А.В. Хренков. М., 1998. С. 77.

²⁹ Там же. С. 138—139.

³⁰ В историографии уже отмечалась переключка между идеями славянофильства и восточничества (негативное отношение к Западу, превосходство духовного над материальным, приверженность ко всему традиционному в быту). Характерно, что кн. Э.Э. Ухтомский в начале своей деятельности был близок к славянофилам, публиковался в газете И.С. Аксакова «Русь», а также испытал влияние В.С. Соловьёва, разделявшего в конце 1870-х — начале 1880-х гг. славянофильские взгляды. См.: Суворов В.В. Восточничество... С. 176, 185; Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 92.

Поскольку в Петербурге в середине 1880-х гг. почти не было сведений о реальном положении дел в отдалённой и малоизученной Эфиопии, власти опасались направлять туда официальное посольство. А это открывало широкий простор для инициативы частных лиц, которым удалось заручиться негласной поддержкой руководителей различных ведомств. Хорошо известна история авантюриста Н.И. Ашинова (1856—1902), выдававшего себя за «атамана вольных казаков». Вопреки упорному сопротивлению МИД он сумел организовать в 1888 г. экспедицию в Эфиопию. И в этом ему содействовали влиятельные сановники — обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, морской министр И.А. Шестаков и др.³¹ Начинание «вольного казака» окончилось провалом: поселение, которое он попытался основать на берегу Красного моря, разгромили французы, считавшие эту территорию своей. Но уже в 1889 г. в Эфиопию с согласия императора отправился поручик Машков — младший офицер одного из пехотных полков, изъявивший желание содействовать установлению связей России с африканской страной. Экспедиция рассматривалась как частное предприятие, МИД даже не поставили о ней в известность. Офицер числился корреспондентом газеты «Новое время», однако посылал отчёты о своих действиях в Главный штаб³². Вторая его экспедиция, состоявшаяся в 1891—1892 гг., и поездка в 1894 г. отставного поручика Н.С. Леонтьева официально считались предприятиями Императорского Русского географического общества, хотя их руководители состояли в переписке с Военным министерством. Впоследствии Леонтьев, оставшийся в Эфиопии и ставший неформальным советником её правителя Менелика II, поддерживал связь с Главным штабом и Азиатским департаментом МИД³³.

Широкое использование неофициальных механизмов при установлении контактов с отдалённым государством, сочетавшееся с межведомственной борьбой и закулисными интригами, в известной степени предвосхищало ту ситуацию, которая сложится в период проникновения России на рубеже XIX—XX вв. в Монголию и Корею. В 1880-е гг. проявили себя и различные окологосударственные структуры, имевшие статус общественных организаций, но пользовавшиеся покровительством высокопоставленных особ и в некоторых случаях действовавшие самостоятельно. Так, в подготовку экспедиции Ашинова включилось Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество, поддерживавшее не только культурные связи, но и освободительное движение на Балканах³⁴. Киреев, являвшийся одним из наиболее активных членов общества, несколько раз принимал Ашинова и свёл его с морским министром Шестаковым. «Добродушный, хотя и не без хитрости, — писал генерал-майор о “вольном казаке” в дневнике 16 мая 1887 г. — Таким (за исключением добродушия) должны были быть и Кортец, и Пизарро, и Ермак»³⁵. Секретарь

³¹ О деятельности Ашинова см.: *Луночкин А.В.* «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. Волгоград, 1999; *Григорьева С.В.* Н.И. Ашинов: африканская эпопея // *Слава и забвение. Парадоксы биографики.* СПб., 2014. С. 504—523.

³² *Хренков А.В.* Машков в Эфиопии (между подвигом и авантюрой) // *Вопросы истории.* 1999. № 2. С. 124—125.

³³ *Хренков А.В.* Африканское генерал-губернаторство поручика Н.С. Леонтьева // *Азия и Африка сегодня.* 2001. № 4. С. 35.

³⁴ См.: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960; *Поповкин А.А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге, 1858—1921 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013.

³⁵ ОР РГБ, ф. 126, д. 10, л. 233 об.

общества В.И. Аристов вербовал желающих плыть в Абиссинию на Кавказе, а близкая к славянофилам фрейлина Д.Ф. Тютчева хлопотала о том, чтобы в состав экспедиции включили духовную миссию для сближения эфиопов с православием³⁶.

В Санкт-Петербургское Славянское общество обращался перед своим отъездом и Машков. Ещё в 1887 г. он писал Кирееву, что «дело может вестись только частными лицами, на свой страх и риск и средства». Конечно, первые шаги на новом направлении должны были носить преимущественно негласный характер, но, как предвидел поручик, «минист[р] иностр[анных] д[ел] не решится даже и на такой образ действий». Объяснялось это тем, что в МИД, «говоря словами сказки, “русского духа не слышно”»³⁷. Подобным образом рассуждали впоследствии и энтузиасты проникновения на Дальний Восток. Практически все они — от Бадмаева и кн. Ухтомского до «безобразовцев» — последовательно критиковали бюрократическую систему, указывали на необходимость личной инициативы и неформальных методов во внешней политике, а также на то, что у царя должен быть доверенный советник, способный донести до него тщательно скрываемую правду³⁸.

Значительная роль, которую в ходе проникновения в Эфиопию играли разного рода неофициальные структуры, способствовала тому, что на этом поприще подвизалось много деятелей, отличавшихся не только энергией и решительностью, но и авантюризмом, склонностью к мистификации. Каждый шаг того же Ашинова был связан с теми или иными формами самозванчества. Путешествуя по Ближнему Востоку, он выдавал себя за генерала, наказного атамана Кубанского казачьего войска, хвастался особыми полномочиями и дружбой с вел. кн. Александром Михайловичем³⁹. Леонтьев, прибыв в 1894 г. в Абиссинию, по словам одного из его спутников, устроил «маскарад в черкесках и папахах» — повысил себя в чине до полковника, а следовавшего с ним иеромонаха возвёл в сан епископа, распустил слухи, будто он — брат царя, и обещал африканцам военную помощь России против Италии. В ходе организованного им в 1895 г. посольства Эфиопии в Россию Леонтьев самовольно объявил членов делегации, носивших довольно скромные звания, «принцем», «генералом» и «епископом». В дельнейшем отставной поручик отличился в Африке ещё более масштабными авантюрами⁴⁰. Примечательно, что, несмотря на это (а возможно, и благодаря этому), у него находились влиятельные покровители. Так, военный министр А.Н. Куропаткин в переписке с министром иностранных дел гр. М.Н. Муравьевым в конце 1890-х гг. выражал сожаление о том, «что нам не удалось взять в руки эту бесспорно энергическую личность», тогда как европейские правительства успешно используют авантюристов разного рода в своих интересах⁴¹.

³⁶ Там же, л. 236 об.—237; д. 11, л. 60 об.—61.

³⁷ Российско-эфиопские отношения... С. 90—91.

³⁸ Приближённый Николай П. А.М. Безобразов, вокруг которого группировался кружок сторонников наступательной политики на Дальнем Востоке, называл себя «личным секретарём барина» (т.е. царя) и заявлял: «Я стою один и против меня всё, что связано со старыми порядками, шипит и готово меня растерзать, у меня план и программа есть, есть решимость вырвать нашу государственную и общественную жизнь из болота, но будет ли на это благословение свыше, не знаю» (*Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...»... С. 499).

³⁹ ГА РФ, ф. 102, оп. 92, 3-е делопроизводство, д. 598, т. I, л. 37в об., 57, 335 об.

⁴⁰ *Хренков А.В.* Африканское генерал-губернаторство... С. 36, 38.

⁴¹ *Хренков А.В.* Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 г.). М., 1992. С. 107—108.

Позднее не обошлось без монархического самозванчества и на Дальнем Востоке. Разворачивая торгово-предпринимательскую деятельность в Забайкалье, Монголии и Северном Китае, Бадмаев распускал там слухи о своём родстве с царской семьёй (он был крестником Александра III)⁴². Кн. Ухтомского в 1897 г. воспринимали в Китае как «брата царя», прибывшего по личному поручению Николая II. Распространению подобных слухов, видимо, способствовало то, что миссию востоковеда, проходившую без согласования с МИД, окружал ореол таинственности⁴³.

В целом, Бадмаев и «безобразовцы» как индивидуальными чертами, так и образом действий довольно сильно напоминали своих «эфиопских» предшественников (Ашинова, Леонтьева, отчасти Машкова). Имелся африканский прообраз и у такого знаменитого предприятия «безобразовцев», как Восточно-Азиатская промышленная компания (лесопромышленная концессия на р. Ялу) — акционерного общества, фактически призванного отстаивать государственные интересы России в Корее. В 1888 г., во время подготовки экспедиции Ашинова, к Победоносцеву, поддерживавшему данную затею, обратился его давний знакомый и энергичный сторонник замыслов «вольного казака» — нижегородский губернатор Н.М. Баранов⁴⁴. В письме к обер-прокурору Святейшего Синода он предложил создать, опираясь на будущие ашиновские поселения на берегу Красного моря, Российско-Африканскую компанию. Формально она учреждалась бы с торгово-промышленными целями, но ей «могло бы быть предоставлено право иметь свои суда и гарнизон для собственной обороны», а «по прошествии же некоторого времени и в удобный в политическом отношении момент» правительству оставалось лишь объявить территорию, на которой действовала компания, зоной влияния России, а то и её заморским владением⁴⁵. Показательно, что Александр III, которому доложили о данном проекте, воспринял его всерьёз и собирался обсуждать с министром иностранных дел Н.К. Гирсом.

Позднее с планом экономического освоения Эфиопии выступил Леонтьев, сумевший войти в доверие к негусу и получить от него в 1897 г. в управление южные провинции государства. Ссылаясь на якобы предоставленное ему право свободно действовать на данной территории, он собирался учредить там русское акционерное общество для разработки местных природных богатств и обратился за помощью к С.Ю. Витте, суля ему, что со временем, по мере укрепления экономического влияния, эти земли удастся передать под протекторат России. Министр финансов отклонил предложение отставного поручика, но

⁴² Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». С. 91—92. Кроме того, Бадмаев распространял слухи о родстве своего семейства с потомками Чингисхана (Архангельский Г.В. Пётр Бадмаев... С. 84).

⁴³ Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 84.

⁴⁴ Н.М. Баранов (1837—1901), будучи морским офицером, прославился подвигами в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг., а после её окончания стал одним из видных деятелей Общества Добровольного флота. Однако затем он оказался вовлечён в конфликт и скандальный судебный процесс с Морским министерством. В марте 1881 г. по протекции Победоносцева стал петербургским градоначальником, но распорядился в столице столь экстравагантно, что вскоре его перевели на губернаторский пост сначала в Архангельск, а затем в Нижний Новгород. См.: Григорьева С.В. Личность нижегородского губернатора Н.М. Баранова: к вопросу об эффектах межличностного восприятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5—6. С. 24—31.

⁴⁵ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 518, л. 7; Дневник В.Н. Ламздорфа (1886—1890). М.; Л., 1926. С. 132—133.

тот не пал духом и создал международную компанию с привлечением английского, французского и бельгийского капитала⁴⁶. Показательно, что «безобразовцы», разрабатывая свои проекты, прямо ссылались на опыт Леонтьева, позволивший ему стать правителем «громадной области Абиссинии»⁴⁷. Николай II отнёсся к его начинаниям весьма серьёзно. Когда предприниматель потерпел крах и стал в 1902 г. настойчиво ходатайствовать о том, чтобы уступить свои права петербургскому правительству, император передал дело на обсуждение руководителей финансов, военного и дипломатического ведомств⁴⁸. Однако министры, посоветовавшись, решили воздержаться от участия в явно сомнительной операции. Помимо Леонтьева, вести в Эфиопии торгово-промышленную деятельность пытались поручик К.Н. Арнольди, отставной полковник И.О. Евецкий, чиновник Н.Н. Шедевр. Эти прожектёры и поддерживавшие их дипломаты ориентировались уже на опыт общества Китайско-Восточной железной дороги и Русско-Китайского банка⁴⁹.

В целом отметим, что сторонники русской экспансии на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. внимательно наблюдали за действиями России на эфиопском направлении и, возможно, опирались на опыт контактов с африканской страной. В 1896 г. «Санкт-Петербургские ведомости», возглавлявшиеся кн. Ухтомским и воспринимавшиеся многими как личный орган царя и рупор его восточной политики, опубликовали статью полковника Генерального штаба С.Д. Молчанова, который призывал развивать сотрудничество с государством негуса. Автор признавал, что оно не могло принести быстрой материальной отдачи, но выгодное стратегическое положение Абиссинии казалось ему гораздо важнее⁵⁰. Спустя несколько месяцев газета кн. Ухтомского рекомендовала оказать помощь «стране чёрных христиан», напоминая про их исконное тяготение к России, а также отвагу, военную доблесть и прочие высокие моральные качества⁵¹.

Подводя итог, следует констатировать, что к концу XIX в. в правительственных и околоправительственных кругах Российской империи сложились устойчивые формы деятельности, имелись образцы организационных структур и получили распространение многие идейные установки, которые использовались затем в ходе проникновения в Маньчжурию и Корею. Тем самым поворот внешней политики России на Дальний Восток был подготовлен всей предшествующей эволюцией административных институтов, настроений и воззрений общества и правящих верхов. Безусловно, при Александре III данные тенденции проявлялись менее резко и не имели особого размаха. Николай II, вступив на престол, заметно усилил наметившиеся ранее процессы, внёс в них ярко выраженную тягу к экспериментам, стремление к личному управлению и увлечение масштабными идеологическими построениями.

---

⁴⁶ Хренков А.В. Россия и Эфиопия... С. 91—105; Российско-эфиопские отношения... С. 263—264.

⁴⁷ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...»... С. 420.

⁴⁸ Российско-эфиопские отношения... С. 399.

⁴⁹ Хренков А.В. Россия и Эфиопия... С. 109—110; Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. — 1960 г. Т. I. М., 1999. С. 229.

⁵⁰ Хренков А.В. Россия и Эфиопия... С. 94—95.

⁵¹ Агуреев С.А. Эфиопия в отражении российского общественного мнения... С. 248—249.